

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Тифлисѣ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-петербургѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. граж. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

КАВКАЗЪ,

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавленій 9 р.
Съ казенными прибавленіями 12 р. 50 к.
За одни казенныя прибавленія 5 р.
Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по ¼ коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

Внутреннія извѣстія. Высочайшій Манифестъ. Высочайшія приказы по военному вѣдомству отъ 12—13 марта и о чинахъ гражданскихъ 12 марта. Санктпетербургъ.

Кавказская лѣтопись. Тифлисская современность. Кутаисъ.

Иностранныя извѣстія. Изъ Крыма. Англій. Франціи. Турціи.

Литературный отдѣлъ. Керъ-оглу, ст. С. Пена (продолженіе).—Библиотека Шармазаніана, ст. А. Берже (продолженіе).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ (*).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій, ЦАРЬ Польскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Упорная, кровопролитная борьба, возмущавшая Европу въ теченіе трехъ почти лѣтъ, прекращается. Она была возбуждена не Россією и предъ самымъ началомъ ея, почивающій нынѣ въ Бозѣ незабвенный Родитель Нашъ объявилъ торжественно всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Своимъ и всѣмъ Державамъ иностраннымъ, что единственною цѣлю Его домогательствъ и желаній были охраненіе правъ, устраненіе притѣсненія единовѣрцевъ нашихъ на Востокъ. Чуждый всякихъ своекорыстныхъ видовъ, Онъ не могъ ожидать, что послѣдствіемъ справедливыхъ Его требованій будутъ бѣдствія войны и, взирая на нихъ съ чувствомъ прискорбія, какъ Христіанскій и вѣрный Отецъ вѣрныхъ Ему Богомъ народовъ, не престаивалъ изъявлять готовность Свою къ миру. Но открытыя не задолго до кончины Его переговоры объ условіяхъ сего мира, для всѣхъ равно нужнаго, не имѣли успѣха. Правительства, бывшія въ непріязненномъ противъ насъ союзѣ, не останавливали своихъ вооруженій и во время переговоровъ; даже усиливали ихъ; война продолжалась и Мы вели ее съ твердымъ упованіемъ на милость Всевышняго, съ твердою увѣренностію въ непоколебимомъ усердіи любезныхъ нашихъ подданныхъ. Они оправдали Наши ожиданія. Въ сію тягостную годину испытаній, какъ всегда, и вѣрные, храбрая войска Наши, и все сословія народа Русскаго явили себя достойными своего великаго призванія. На всемъ пространствѣ Нашей Имперіи, отъ береговъ Восточнаго Океана до морей Чернаго и Балтійскаго, была одна мысль, одно стремленіе, не падать достоинства и жизни для исполненія долга, для защиты отечества. Земледѣльцы, едва оставивше плугъ и воздѣланныя ими поля, спѣшили ополчиться на священную брань и не уступали испытаннымъ воинамъ въ неустранимости и самоотверженіи. Новые блистательные подвиги мужества ознаменовали сіе послѣднее время борьбы Нашей съ сильными противниками. — Непріятель отраженъ отъ береговъ Сибири и Бѣлаго моря, отъ твердынь Свеаборга, и геройская одиннадцатимѣсячная оборона южныхъ укрѣпленій Севастополя, воздвигнутыхъ въ виду и подъ огнемъ осаждающихъ, будетъ жить въ памяти отдаленнѣйшаго потомства. Въ Азіи, послѣ знаменитыхъ побѣдъ двухъ предшедшихъ кампаній, Карсъ долженъ былъ Намъ сдаться съ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ, составлявшимъ почти всю Анатолійскую армію, и шедшія къ нему на помощь лучшія Турецкія войска принуждены къ отступленію. Между тѣмъ Провидѣніе, въ неизяснимыхъ, но всегда благостныхъ судьбахъ Своихъ, готовило событие, котораго столь усердно и единодушно желали и незабвенный Любезнѣйшій Родитель Нашъ и Мы, и съ Нами вся Россія, которое было первою цѣлю войны. Будущая участь и права всѣхъ Христіанъ на Востокъ обезпечены. Султанъ торжественно признаетъ ихъ, и въ слѣдствіе сего дѣйствія справедливости, Имперія Оттоманская вступаетъ въ общій союзъ Государствъ Европейскихъ.—Россіяне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дѣло совершилось, хотя иными непредвидѣнными путями, и Мы нынѣ можемъ съ спокойствіемъ въ совѣсти положить конецъ симъ жертвамъ и усиліямъ, возвративъ драгоценный миръ любез-

ному отечеству Нашему. Чтобъ ускорить заключеніе мирныхъ условій, и отратить, даже въ будущемъ, самую мысль о какихъ-либо съ Нашей стороны видахъ честолюбія и завоеваній, Мы дали согласіе на установленіе нѣкоторыхъ особыхъ предосторожностей противъ столкновенія нашихъ вооруженныхъ судовъ съ Турецкими въ Черномъ морѣ и на проведеніе новой граничной черты въ южной, ближайшей къ Дунаю, части Бессарабіи. Сія уступка не важна въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе Державы, отъ Бога Намъ врученной. Да будутъ сіи выгоды вполне достигнуты совокупными стараніями Нашими и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодушнаго Россіи, да утвердится и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣншее желаніе Наше, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняютъ и улучшаютъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 19-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятьдесятъ шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Марта 12^{1/4} дня 1856 года. Переводятся. По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ полковъ: Апшеронскаго: Подпоручикъ Соловьевъ и Прапорщикъ Подгорскій,—оба въ 3-й Кавказскій Пѣший Казачій баталіонъ. Дагестанскаго, Прапорщикъ Работинъ—въ 1-й Кавказскій Пѣший Казачій баталіонъ,—все трое съ переименованіемъ въ Хорунжіе. По Артиллеріи. 2-й Гренадерской Артиллерійской бригады Поручикъ Вороновъ 2-й—въ 21-ю Артиллерійскую бригаду. Увольняются: въ отпускъ, на шесть мѣсяцевъ. По Пѣхотѣ. Брестскаго Пѣхотнаго полка Маіоръ Шафировъ 2-й, для излеченія болѣзни, въ города: Пятигорскъ и Таганрогъ. По Ливійнымъ баталіонамъ. Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 12-го Штабсъ-Капитанъ Хитрово, для излеченія болѣзни, отъ ранъ происходящей, въ Тульскую губернію. Отъ службы, за болѣзнію. По Ливійнымъ баталіонамъ. Кавказскаго Ливійнаго баталіона № 5-го Штабсъ-Капитанъ Простоквашинъ, Капитаномъ, съ мушкетромъ и съ пенсіономъ одной трети жалованья.

Марта 13^{1/2} дня. Переводятся. По Пѣхотѣ. Ставропольскаго Егерскаго полка Прапорщикъ Суслловъ, во 2-й Кавказскій Пѣший Казачій баталіонъ, съ переименованіемъ въ Хорунжіе. По Внутренней Стражѣ. Тифлисскаго Инвалидной команды Поручикъ Красноявъ, въ Гурійскую Инвалидную команду, съ назначеніемъ Командиромъ оной. Увольняется отъ службы, за болѣзнію. Бѣлевскаго Егерскаго полка Прапорщикъ Воейковъ, Подпоручикомъ. Умершій исключается изъ списковъ. Литовскаго Егерскаго полка Поручикъ Русановъ.

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству о чинахъ гражданскихъ, марта 12^{1/4} дня 1856 года, производится за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ Коллежскихъ Секретарей въ Титулярные Советники. Помощникъ Начальника Отдѣленія Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Россова, съ 12-го февраля 1856 года. Изъ Надворныхъ въ Коллежскіе Советники. Старшій Докторъ Гурійскаго отряда Смирновъ, съ 11-го іюля 1855 года. Помощникъ Главнаго Доктора Темиръ-Ханъ-Шуриискаго военнаго госпиталя Фалькмутъ, съ 8-го апрѣля 1855 года. Изъ Коллежскихъ Ассессоровъ въ Надворные Советники. Помощникъ Главнаго Доктора кадроваго госпиталя, на Кавказѣ находящагося, Шайновъ, съ 4-го іюля 1855 года. Увольняется отъ службы. Провіантскій Комиссіонеръ Полевой Провіантской Комиссіи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Титулярный Советникъ Лацискій. Умершій исключается изъ списковъ. Баталіонный Лekarъ Ширванскаго Пѣхотнаго полка Коллежскій Ассессоръ Соболевскій.

Санктпетербургъ. Генераль-Адъютантъ Графъ Орловъ донесъ по телеграфу Государю Императору, что мирный трактатъ подписанъ въ Парижѣ 18-го (30-го) марта.

— Въ 12 часовъ ночи, съ 13-го на 14-е марта, Государь Императоръ изволилъ выехать изъ Гельсингфорса, въ сопровожденія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Ни-

колая и Михаила Николаевичей, по тракту въ Або, и прибылъ туда въ вожделѣнномъ здравіи, 14-го числа, въ 3-мъ часу по-полудни.

Въ тотъ же день Его Величество изволилъ входить въ Православную церковь и въ Лютеранскій соборъ, и посетилъ военныя госпитали.

15-го марта утромъ, Государь Императоръ изволилъ принимать представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а также здѣшняго дворянства и купечества; потомъ Его Величество произвелъ смотръ резервнымъ баталіонамъ: 5-му Гренадерскаго Генералиссимуса Князя Суворова и 6-му Карабинернаго Его Высочества Великаго Князя Александра Александровича полковъ и 1-й Гренадерской Артиллерійской бригады Легкой № 1-го батареи, и взлилъ осматривать укрѣпленія на островѣ Руисала.

Въ 11 часовъ вечера, того же 15-го числа, Его Императорское Величество и Ихъ Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, изволили выехать изъ Або, по тракту на Таммерфорсъ, Тавастгустъ, Вильманstrandъ и Выборгъ, въ С.-петербургъ. (Р. И.)

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисѣ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала о пожертвованіи разными лицами, служащими по вѣдомству Закавказской Казенной Палаты, трехъ сотъ пятидесяти пяти руб. двадцати девяти копѣекъ, въ пользу морскихъ чиновъ и семействъ ихъ, потерявшихъ имущество въ Севастополь, Высочайше повелѣть изволилъ: приношеніе принять, а жертвователей благодарить.

Предпослѣдняя почта привезла въ Тифлисѣ официальное подтвержденіе для всѣхъ равно вожделѣнной вѣсти о заключеніи мира, о прекращеніи исполненія борьбы, которую вела Россія съ единственною цѣлью защитить права и навсегда устранить притѣсненіе нашихъ единовѣрцевъ на Востокъ. Съ чувствомъ сердечнаго умиленія и благодарности прочиталъ каждый изъ насъ Высочайшій Манифестъ отъ 19 марта (см. выше),—это любвеобильное слово Благочестивѣйшаго Государя Императора къ Своимъ вѣрноподаннымъ, которые привыкли искони принимать каждое Царское слово съ благоговѣніемъ и душевнымъ восторгомъ. Это краснорѣчиво доказала послѣдняя война, во все продолженіе которой пламенная любовь и усердіе къ Престолу и Отечеству были безпредѣльны, приводя самихъ враговъ въ справедливое изумленіе. Теперь, когда великодушіемъ нашего народолюбиваго Монарха положенъ конецъ кровопролитной брани, для всей Россіи открывается новая эра славы и могущества, пользы и преуспѣванія на поприщѣ внутренней и вѣнней жизни и общественнаго благосостоянія. Закавказскій Край служилъ однимъ изъ ближайшихъ театровъ кончившейся войны, и здѣсь, какъ и вездѣ, русское побѣдоносное воинство покрыло себя неуваемыми лаврами доблести и самоотверженія. Здѣсь, въ теченіе двухъ кампаній, оно ознаменовало себя громкими побѣдами, и наконецъ третья кампанія увѣнчалась безсмертнымъ подвигомъ—покореніемъ Карса со всею почти Анатолійскою армією.—Вѣсть о мирѣ вдвойнѣ сладостна и знаменательна въ эти дни, передъ самымъ наступленіемъ великаго и свѣтлаго праздника—всего христіанскаго міра,—праздника, напоминающаго всеобщее примиреніе рода человеческого съ Небомъ.

Обращаясь за тѣмъ собственно къ городской жизни, мы должны внести въ нашу лѣтопись замѣтку о непостоянствѣ нынѣшней погоды, которая пока все еще не можетъ установиться: болѣею частью пасмурно и дуетъ сѣверный вѣтеръ съ небольшими перемерками; настоящей, подлинной весны все еще нѣтъ. Изъ уроч. Джавъ сообщаютъ о нѣсколькихъ завалахъ въ джавскомъ и нарскомъ ущельи, бывшихъ причиною несчастныхъ случаевъ.

— 8-го числа апрѣля вступила въ Тифлисѣ изъ Екатеринограда команда сборныхъ полковъ и № 13 батареи Кавказскаго Ливійнаго казачьяго войска, въ вѣдѣніи войскового старшины Красовскаго.

(*) Манифестъ этотъ сообщенъ нашимъ подписчикамъ въ особомъ прибавленіи къ 29 № газетѣ «Кавказъ».

— Того же числа выступила изъ Тифлиса въ ур. Гомборы команда нижнихъ чиновъ Тифлисской инвалидной команды, въ вѣдѣніи прапорщика Юдина.

Кутаисъ. 4-го числа текущаго апрѣля, въ 5 часовъ по полудни, скончался здѣсь, въ Кутаисѣ, послѣ кратковременной болѣзни, преосвященный *Евсимій*, епископъ имеретинскій.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстія изъ Крыма. Во французскомъ Монитерѣ пишутъ изъ лагеря подъ Севастополемъ отъ 2-го марта: «Въ субботу огонь русскихъ стрѣлковъ прекратился; ни одинъ изъ нихъ не выходилъ изъ засадъ и не являлся внѣ укрѣпленій. Казалось, они получили приказаніе не стрѣлять. Сомнительно однако же, чтобъ подобное приказаніе дано было и Французамъ. Какъ бы то ни было, послѣдніе свободно подошли, въ воскресенье, съ нѣсколькими Англичанами, желавшими ближе разсмотрѣть странныя углубленія, устроенныя въ скалахъ и пескахъ со стороны Русскихъ; все собрались на берегу рѣчки, отдѣлявшей насъ отъ непріятеля. Раскланялись другъ съ другомъ, и для установленія взаимныхъ сношеній при существующей преградѣ, бросали другъ другу сигары и табакъ черезъ воду. Пытались нѣсколько разъ перейти чрезъ рѣчку, но напрасно: вода оказалась слишкомъ глубокою. Наконецъ Русскіе придумали средство: срубили большое дерево, и положивъ его поперегъ рѣчки, устроили временной мостъ. Французы и Англичане воспользовались этимъ, и перешли къ нимъ. Радшіе и гостеприимство Русскихъ превзошло все, что мы когда либо видѣли.—Они показали намъ походную церковь въ скалѣ (на выдавшійся желѣзный балконъ ея мы часто съ любопытствомъ посматривали издали), а также другія отверстія, избѣженныя въ камнѣ, составляющія родъ обширныхъ подземныхъ казармъ. Угощали насъ супомъ, аракомъ и табакомъ, и многихъ изъ нашихъ солдатъ уподчивали до такой степени, что они не могли воротиться на другой берегъ. Русскіе офицеры, бывшіе тамъ, все очень бѣгло говорили по французски, и были чрезвычайно учтивы. Это сходбище случилось прежде отданія приказа, не дозволяющаго переходить за аванпосты. Съ тѣхъ поръ мы не имѣли уже возможности осмотрѣть церковь и подземелья Инкермана.»

Англія. (J. de St.-P.) Лондонъ, марта 22-го. Въ газетѣ Morning-Post пишутъ: «Общее мнѣніе, распространяющееся болѣе и болѣе и въ самой Англіи, состоитъ въ томъ, что переговоры, происходящіе теперь въ Парижѣ, должны непременно кончиться возстановленіемъ мира. По мѣрѣ того, какъ мнѣніе это утверждается, многія торговля товарищества принимаютъ мѣры къ вывозу товаровъ, которые могутъ быть проданы на русскихъ рынкахъ. Въ томъ числѣ изготовляютъ огромныя количества каменнаго угля для отправки въ Кронштадтъ и С.-петербургъ.»

(Nord.) Марта 24-го. Въ Morning-Chronicle извѣщаютъ, что принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій непременно отправится въ Англію въ перыхъ числахъ мая.

— (Nord.) Надвѣхъ была выставлена здѣсь въ Ллойдъ телеграфическая депеша изъ Константинополя, отъ 24-го (12-го) марта, съ извѣстіемъ, что на Черномъ Морѣ, съ 14-го (2-го) по 16-е (4-е) число, свирѣпствовала ужасная буря около Кюстенджи, между Варною и устьемъ Дуная. Пять англійскихъ бриговъ, 6 барокъ и 10 судовъ другихъ націй разбились и потонули.

Франція. Парижъ, марта 23-го. Въ Journal des Débats напечатано: «Въ военномъ министерствѣ занимаются составленіемъ свода уголовныхъ законовъ для сухопутной арміи. Это будетъ дѣло весьма важное и полезное. Въ настоящее время правосудіе отправляется въ арміи на основаніи многихъ законовъ, разбѣянныхъ въ разныхъ декретахъ и постановленіяхъ, восходящихъ до 1790 года, и отзывающихся духомъ тѣхъ правительствъ, при которыхъ они изданы. Постановленія эти не представляютъ никакого единства и нерѣдко совершенно противны духу и потребностямъ хорошо устроенной арміи. Попытки разныхъ прежнихъ правительствъ улучшить это законодательство, не повели ни къ какому результату. А потому Франція должна быть благодарна маршалу Вальану за его намѣреніе вновь заняться этою реформою и поручить ее комиссіи, составленной изъ людей специальныхъ. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, проектъ этой реформы состоитъ въ томъ, чтобы собрать, упростить и привести къ единству всѣ вышеозначенные законы, словомъ составить сводъ военныхъ узаконеній. Подобный сводъ представить ту выгоду, что военные законы будутъ

болѣе для всѣхъ понятны и доступны, а потому имъ будутъ болѣе повиноваться и болѣе уважать ихъ. Для арміи кодексъ военныхъ законовъ будетъ тоже, что для всей Франціи кодексъ Наполеона.»

— (J. de St.-P.) Въ Assemblée Nationale сказано: «Помилваніе, обѣщанное Монитеромъ, очевидно касается до тѣхъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовали въ іюнь 1848 и въ декабрь 1851 года, а не до членовъ законодательной палаты, не до знаменитыхъ генераловъ, задержанныхъ 2-го декабря и отправленныхъ сперва въ Гамъ, а потомъ за бельгійскую границу. Генералъ Каваньякъ былъ въ числѣ этихъ лицъ, и, послѣ непродолжительнаго заключенія, освобожденъ былъ безусловно. Другіе члены законодательной палаты, въ числѣ которыхъ находился г. Тьеръ, получили приказаніе выхаживать изъ Франціи. Они возвратились тоже безусловно. Вѣроятно, правительство такъ же поступитъ и съ тѣми людьми, которые не нарушили никакихъ законовъ и отличаются только совершенными ими военными подвигами.»

— (J. de St.-P.) Декретъ о помилованіи за проступки, касающіеся тисненія, былъ обѣщанъ, но кажется, совсѣмъ похороненъ. Статья Assemblée Nationale о генералахъ Ламорисьерѣ, Бедо, Шангарнѣ и Лефло произвела сильное впечатлѣніе въ высшихъ кружкахъ. Кабинетъ совѣщался о томъ, какъ отвѣчать на эту статью—официально или полуофициально, и должно ли принять мѣры противъ газеты. Что же касается возвращенія генераловъ и многихъ другихъ, также мало виновныхъ, то нельзя ожидать, чтобы оно совершилось безусловно. Смыслъ статьи Монитера очень ясенъ.—Носится слухъ, что составъ арміи вѣкорѣ будетъ сокращенъ на 20,000 человекъ. Однако врядъ ли войско будетъ уменьшено серьезнымъ образомъ, до совершеннаго разрѣшенія европейскихъ вопросовъ. Въ Парижѣ очень заботятся объ Испаніи и, быть можетъ преждевременно, объ Италіи. О преобразованіи министерства много было толковъ, но оно врядъ ли состоится. Несомнѣнно только, что императору совѣтуютъ уволить г-на Бильо, и на его мѣсто прочесть двоихъ, на которыхъ Лудовикъ-Наполеонъ можетъ положиться. Одинъ изъ нихъ г. Пьетри.

— Марта 24-го. Въ Монитерѣ напечатаны два слѣдующіе бюллетеня: «Здоровье императрицы находится въ превосходномъ состояніи, о немъ болѣе уже не будетъ выходить бюллетеней.—Бюллетени прекращаются также и о здоровьи принца Иеронима, который находится внѣ опасности.»

— Вчера въ церкви Notre-Dame происходило благодарственное молебствіе по случаю рожденія наследнаго принца. При этомъ молебствіи присутствовали разныя должностныя лица, но членовъ дипломатическаго корпуса не было.

— Нѣкоторые лондонскіе журналы, быть можетъ досадуя на миролюбивую политику Франціи, увѣряютъ, будто французская армія въ Крыму находится въ такомъ же бѣдственномъ состояніи, въ какомъ англійская зимою съ 1854—1855 годъ. Всѣхъ болѣе въ этомъ отношеніи отличается газета Times своими преувеличенными описаніями, исполненными самыхъ ужасающихъ подробностей. Въ сегодняшнемъ номерѣ Монитера на это отвѣчаютъ очень хладнокровно, и высказывая настоящее положеніе французской арміи, напоминаютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ пріятныхъ для Англичанъ.

— Въ сегодняшнемъ Монитерѣ сказано, что вѣроятно армія съ Востока въ скоромъ времени возвратится во Францію.

— Въ газетѣ Pays увѣряютъ, что 24-го марта было двѣнадцатое засѣданіе конгресса.

Турція. (Pr. St.-Anz.) Съ пароходомъ Thabor, прибывшимъ въ Марсель 22-го марта, получены извѣстія изъ Константинополя по 13-е. Важныхъ политическихъ новостей, относящихся ко внутреннимъ областямъ оттоманской имперіи, нѣтъ; извѣщаютъ только, что въ составѣ турецкихъ министровъ господствуетъ величайшая дѣятельность.—Въ Крыму погода все еще не хороша; союзники продолжаютъ разрушать остальныя постройки въ южной части Севастополя. Въ Греціи министерство продолжаетъ дѣятельно преслѣдовать разбойничество; по этому случаю смѣнены многіе мѣстные начальники. Въ Journal de Constantinople сказано, что Омеръ-паша возвратился въ Константинополь въ отпускъ, для поправленія своего здоровья. Прибытіе его не произвело въ народѣ никакого впечатлѣнія.—Здоровье французскихъ войскъ замѣтно улучшилось; однакожъ госпитали все еще наполнены. Изъ Крыма получено предписаніе изготовить большое количество коекъ для больныхъ, которыхъ намѣреваются перевезти въ Константинополь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

КЕРЬ-ОГЛУ,

ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТЪ - НАѢЗДНИКЪ.

(Полное собраніе его импровизацій съ присовокупленіемъ его біографіи.)

(Продолженіе)

Медицина. V.

День склонился къ вечеру, а невольницы все продолжали кидать въ Керь-оглу камнями; наконецъ брызги холодной воды прогрезвили его, и онъ рѣшился открытъ знакомство свое съ Белли-Ахмедомъ. Княжна Нигара, дѣлая все болѣе и болѣе задумчивою, сказала самой себѣ: «Эгогъ незнакомецъ, въ пѣсняхъ и импровизаціяхъ своихъ, безпрестанно вспоминаетъ имя Керь-оглу; не онъ ли это самъ?» Затѣмъ, княжна, обращаясь къ нему, спросила: послушай, любезнѣйшій достъ (пріятель), скажи правду, не ты-ли самъ Керь-оглу?

— *Аллахъ сана хайръ ве берекетъ шидерсинг!* (да благословитъ тебя Богъ!) прислужницы твои едва не изувѣчили меня, а тебѣ лишь теперь пришло въ голову узнать, кто я. Да, я тотъ самый Керь-оглу, котораго ты осчастливила своимъ жемчужнымъ посланіемъ; если ты не желала видѣть меня, то зачѣмъ было писать ко мнѣ чрезъ Белли-Ахмеда?

— Такъ это ты? не сердись на меня, Керь-оглу! если я тебя обидѣла, то потому, что я не знала, кто ты; если я обманываю тебя, то въ твоей волѣ вырвать у меня языкъ; если я приказывала бить тебя, то ты можешь отрѣзать у меня руку,—только прости меня... Отецъ мой, султанъ Мурадъ, такого же высокаго роста, какъ и ты; я вѣло принести тебѣ одинъ изъ его царскихъ халатовъ; если онъ будетъ на тебѣ слишкомъ долговъ, то я прикажу вбить гвозди въ твои пятки, чтобъ поднять тебя на нѣсколько вершковъ; если же слишкомъ коротокъ, то я велю по платью укоротить тебѣ ноги; если халатъ будетъ слишкомъ широкъ, то я распорю тебѣ животъ, сниму съ тебя кожу и набью соломою, по соразмѣрности. Выходи только скорѣе изъ воды, и обѣщанія мои будутъ точчасъ же исполнены.

Керь-оглу на это проговорилъ: «Ты наказываешь меня по законамъ Абу-Гогеира; но это не беда, я повинуюсь тебѣ во всемъ.» Про себя же онъ подумалъ: «женщину легко обмануть. Если халатъ будетъ слишкомъ длиненъ, то я поднимусь на цыпочки; если слишкомъ широкъ, то я надую себѣ животъ; если черезъ-чуръ узокъ, то и сумью сдѣлать его просторнымъ.»

Когда онъ выходилъ изъ бассейна, княжна сама помогала ему. Платье скоро было принесено и оказалось какъ разъ въ пору для нашего героя,—будто оно было сшито на немъ самомъ.

Княжна и Керь-оглу, обнявшись, пошли къ кіоску. По принятому обычаю, красавица пила изъ одной съ нимъ чашки, и напоследокъ спросила: «скажи мнѣ, Керь-оглу, съ тобою ли славный конь твой Кератъ?»

— Онъ теперь здѣсь, въ Стамбулѣ.

— Нужно будетъ найти другаго такого же коня и купить его для меня.

— За подобную лошадь, княжна, тебѣ придется заплатить не мене пяти тысячъ тумановъ.

Нигара въ ту же минуту велѣла принести названную сумму денегъ и, отсчитавъ, вручила ихъ ему. Керь-оглу былъ въ восхищеніи, видя, что вино производитъ на княжну желаемое дѣйствіе; тутъ нашло на него вдохновеніе и онъ импровизировалъ:

«Влаженъ, влаженъ снѣгъ, сверкающій на вершинахъ высокихъ горъ. Твои пронизательные глаза вдыхаютъ свѣжесть въ мое бѣшеное сердце. Моя милая одѣта въ розовую одежду. Она роза, нѣтъ,—она гіацинтъ души моей. Вода, которую она пьетъ, чиста какъ лазурь небесная; глаза ея упоены любовью и виномъ.»

Нигара наклонилась къ подушкѣ и подарила пѣвца взглядами прекрасныхъ очей своихъ; груди ея, изъ-подъ прозрачной ткани, казались гранатами Арабистана, лимонами изъ Фарса. При этой очаровательной картинѣ возжи терпѣнія выпали изъ рукъ нашего героя и онъ, ударивъ по струнамъ чонгура, запѣлъ: «Я вижу чудное явленіе моеи возлюбленной. Губы ея сдѣланы изъ сластей. Груды ея, выказывающіяся изъ-подъ легкаго газа, уподобляются гранатамъ...» Здѣсь, прервавъ свою импровизацію, онъ сказалъ про себя: «вѣдь я теперь въ самомъ сердцѣ Стамбула?... Развѣ я не посреди семи башенъ султанскаго гарема? Значитъ, я могу пропѣть что-либо изъ глубины моего сердца. Всѣ Турки мои смертельныя враги; но чей нибудь голосъ участія отзовется на мои пѣсни...» Послѣ этой прелюдіи онъ опять запѣлъ, но голосомъ болѣе спокойнымъ, тихимъ и нѣжнымъ.

«Я Керь-оглу. Неужели я не могу насладиться прогулкою по этой клѣточкѣ; ужели не суждено мнѣ показаться здѣсь въ моей богатой одеждѣ? Я безъ всякаго удовольствія бродилъ по бѣлому свѣту, а это обширное поле представляетъ для меня узкое пространство.»

Княжна Нигара наконецъ совершенно убѣдилась, что это самъ Керь-оглу, и сказала ему: Не печалься, сердце мое, радость моя! Отсюда тебѣ нельзя выдти, не будишь подозрѣнія, а потому одѣйся по прежнему въ

